

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Дурдом с
призраками

ЭКСМО

Частный сыщик Василий Куликов

Наталья Александрова
Дурдом с призраками

«Автор»

2010

Александрова Н. Н.

Дурдом с призраками / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2010 — (Частный сыщик Василий Куликов)

ISBN 978-5-699-43075-8

В агентство Василия Макаровича Куликова и помощницы Василисы Селезневой обратилась жена бизнесмена Маргарита Богуславская с просьбой отыскать сбежавшую горничную. Якобы та не захотела больше работать на хозяев, а уходя, прихватила с собой альбом с фотографиями. Альбом принадлежал Маргаритиной свекрови, страдающей маразмом. Старуха требовала незамедлительно вернуть альбом. Пройдя огонь, воды и медные трубы, Василиса узнала-таки адрес беглянки и явилась к ней домой. Но по указанному адресу обнаружила совершенно другую девушку, со сломанной ногой... Книга также вышла под другим названием: «Жаба на пуантах».

ISBN 978-5-699-43075-8

© Александрова Н. Н., 2010

© Автор, 2010

Наталья Александрова

Дурдом с призраками

Все в этой женщине вызывало восхищение. Тщательно уложенные волосы, идеальная косметика, про одежду я уж не говорю. А самое главное – взгляд и повадка. Манеры свободные, но без малейшего налета вульгарности. То есть высший класс. Сразу становилось ясно, что передо мной сидит дама, которая твердо знает, чего она хочет. Мало того, всего этого она уже достигла, все получила, и у того, кто не то чтобы захочет, а только попытается отнять у нее хоть малую толику этого всего, нет ни единого шанса на успех. Причем она не станет драться с ним или рвать на части, как тигрица антилопу. Как-то так все устроится, что глупому и недаленовидному типу, который захочет помешать ей, судьба сама воздаст по заслугам.

То есть я имела счастье общаться с женщиной, которая является полной хозяйкой жизни, причем не только своей, а жизни вообще.

Не подумайте, что мы с супердамой являемся задушевными подругами, сидим сейчас за чашкой кофе и обсуждаем своих мужей и общих знакомых.

Мужа, кстати, у меня в настоящий момент вообще нету, был, как говорится, да сплыл. Зато имеется Бонни, но об этом после. А из близких людей на данный момент есть только дядя Вася, Василий Макарович Куликов, в прошлом – сотрудник милиции, а нынче – частный детектив.

Вот именно, мы с дядей Васей недавно открыли частное детективное агентство и теперь пытаемся заработать на жизнь. Сразу скажу – дело это трудное, заказов перепадает мало, а те, что находятся – оплачиваются скудно. И то сказать – клиент к нам идет небогатый, потому что расценки у дяди Васи – ниже некуда.

Офис нам снимать не по карману, так что принимает клиентов дядя Вася в собственной квартире, приспособил одну комнату под кабинет. В этом-то, с позволения сказать, кабинете мы и сидим сейчас с потенциальной заказчицей и ждем дядю Васю. Он сам назначил заказчице встречу на два часа дня, и вот, застрял в пробке. Это плохо, потому что скоро ей надоест ждать и она уйдет.

Хотя, может, оно и к лучшему, потому что дама явно не нашего с дядей Васей круга. К нам, как я уже говорила, обращаются люди попроще и заказы дают несложные – за женой, за мужем проследить, сотрудника небольшой фирмы проверить на предмет честности. Всякое, конечно, бывает в процессе работы, но эта женщина нам не подходит. Вряд ли муж ей изменяет, а если уж есть такой грех, то не станет она его выслеживать, а тем более кому-то поручать это дело, как-нибудь сама разберется.

– Не хотите ли чаю или кофе? – спросила я, хотя было ясно, что не станет она распивать наш дешевый кофе.

– Благодарю вас, не нужно, – спокойно ответила она.

Не стала корчить пренебрежительную физиономию, спрашивать, какой у нас кофе и требовать немислимый зеленый чай с цветками мадагаскарской пассифлоры, а потом демонстративно протирать ложечку носовым платком и страдальчески поднимать брови, узнав, что у нас нету тростникового сахара. Что ж, как я отметила с первого взгляда, манеры у дамы весьма приличные.

В дверях заскрипел ключ, и я помчалась в прихожую.

– Ну, вы даете... – зашептала я, – человек уже десять минут ждет, неудобно...

Но вместо дяди Васи в дверь всунулась здоровенная морда песочного цвета. Морда была размером с приличный дорожный саквояж. Пасть оказалась раскрыта, только вместо аккуратно сложенного белья и носков, а также умывальных принадлежностей, оттуда торчали зубы и готовилась вылиться на пол приличная порция слюны.

– Дядя Вася! – завопила я, от возмущения забыв, что мы не одни в квартире. – Вы что, с ума сошли? Вы зачем его сюда притащили?

– А было у меня время к тебе его завозить? – огрызнулся дядя Вася, пытаюсь пролезть в квартиру вслед за Бонни, передняя половина которого была уже в прихожей, в то время как задние ноги и хвост оставались на лестнице. – Ты не представляешь, что он там устроил! Оттого и задержались...

Он пропихнул наконец Бонни в прихожую, вошел сам и закрыл дверь. Я вспомнила, что у нас клиент, и мигом привела дядю Васю в божеский вид – стащила с него куртку, подсунула тапочки и даже слегка пригладила редяющие волосы.

– Идите уж... – прошипела я. – с этим паршивцем я сама разберусь.

– Ну? – спросила я, уперев руки в боки и глядя на песочное чудовище самыми грозными глазами.

Бонни – бордосский дог, весит больше шестидесяти килограммов. Меня он страстно обожает, но совершенно не слушается. Бонни всерьез полагает, что это он должен меня опекать, поскольку я доверчивая, рассеянная и совершенно неприспособленная к жизни особа. Признает он только авторитет дяди Васи, и то не всегда. В общем, мы все трое неплохо ладим, потому что не помню, говорила я или нет, но эти двое – здоровенный бордосский дог и пожилой частный сыщик – вся моя семья на сегодняшний день.

Бонни три года, он очень красивый и породистый, поэтому, сами понимаете, многие владельцы бордосских догов хотели бы с нами породниться. И вот сегодня как раз назначена была предварительная встреча с предполагаемой невестой. И как раз позвонила заказчица, сказала, что у нее срочное дело, так что пришлось дяде Васе одному отвезти Бонни на смотрины. И кажется, ничего там не вышло. Хотя по виду моего рыжего сокровища этого не скажешь. Бонни довольно ухмылялся и пытался подлезть ко мне с нежностями.

– Бонни, – я добавила в голос строгости, – немедленно иди в комнату и сиди там тихо-тихо. У нас срочная работа.

Не знаю, понял ли он мои слова, скорее почуял, что сейчас я не в настроении играть, поэтому развернулся и пошел в комнату. Всего-то по дороге сшиб табуретку и оборвал вешалку на моем пальто. Это для нас семечки...

Я успела как раз к самому началу представления. Предполагаемую заказчицу звали Маргаритой Сергеевной Богуславской, она показала нам свой паспорт.

Это дядя Вася ввел такой порядок – пока клиент не представит документ, удостоверяющий личность, он с ним и двух слов не скажет. Потому что можно так нарваться... уж он-то знает. Были в его богатой практике прецеденты.

– Мне нужно, – заговорила Маргарита Сергеевна спокойно, – чтобы вы нашли одну девушку.

Мы с дядей Васей переглянулись – он, как и я, мигом просчитал заказчицу и сообразил, что она – птица не нашего полета. И вот, получается, что оба мы с ним ошиблись. Раз в деле замешана девушка, стало быть, муженек наставил-таки нашей мадам Богуславской рога. О наличии мужа мы выяснили из паспорта.

Заказчица, надо полагать, увидела наши переглядывания, поняла их правильно и еле заметно усмехнулась. Ого, с нею нужно держать ухо востро! Впрочем, я сразу это поняла.

– Девица работала у нас в доме горничной, и пропала, – сказала она.

– Вы не могли бы выразиться яснее? – очевидно дяде Васе надоело ходить вокруг да около, он решил действовать прямо. – Что конкретно требуется от нас?

– Я могу закурить? – спросила заказчица, что, несомненно, говорило в пользу ее хороших манер. Обычно люди такого уровня, как она, не спрашивают разрешения у наемных работников. Впрочем, мы еще не сговорились.

Я молча придвинула ей пепельницу, которую подарили дяде Васе на прошлый Новый год два наших приятеля – капитаны милиции Творогов и Бахчинян.

Пепельница представляла собой фарфорового охотника в тирольской шляпе с перышком. За спиной у него было двуствольное ружье, на поясе висели убитые утки. У ног его располагалась собака с длинными ушами. Она делала вид, что лакает воду из того места, куда стряхивают пепел и кладут окурки.

Не знаю, откуда наши друзья-капитаны взяли эту штучку, подозреваю, что нашли на помойке, потому что половина собаки была отколота, как и кусок ружья. Но весь фокус заключался в том, что фарфоровый охотник являлся точной копией дяди Васи – тот же нос бульбочкой, насупленные брови, сосредоточенный вид... Дяде Васе очень понравился подарок, он держал пепельницу на своем рабочем столе, чтобы любоваться своей скульптурной копией.

Маргарита Сергеевна достала длинную темную сигарету и прикурила от изящной золотой зажигалки. Как я уже говорила, все у этой дамы было подобрано с большим вкусом, уж как внимательно я ни смотрела – ни к чему прицепиться не могла.

Итак, начала Маргарита Сергеевна, они с мужем и свекровью живут в загородном доме в элитном коттеджном поселке на берегу озера на Карельском перешейке. Дом довольно большой, поэтому с ними проживает трое слуг – кухарка, горничная и шофер. Он же убирает зимой снег, может по мелочи починить машину, а летом занимается садом. Этого количества прислуги вполне хватает, домоправительницы они не держат, она, Маргарита Сергеевна, в состоянии поставить персоналу четкие задачи и проследить за их выполнением.

Снова мы с дядей Васей переглянулись – точно, у такой женщины не забалуешь.

Все шло хорошо, продолжала Маргарита Сергеевна, пока три дня назад у них не уволилась горничная. То есть она не уволилась, а ушла. Ушла без предупреждения, без уведомления, хотя в контракте сказано, что персонал обязан предупредить нанимателя об увольнении за две недели, равно как и наниматель со своей стороны обязан сделать то же самое. Разумеется, речь не идет о форс-мажорных обстоятельствах, как то: умышленная порча хозяйского имущества или подозрение в краже. В таком случае в дело вступают совсем другие условия.

– Она вас обокрала? – уточнил дядя Вася. – Каков размер ущерба?

– Да нет... – заказчица досадливо поморщилась и резко затушила сигарету.

Пепельница качнулась, и показалось даже, что половина собаки вздрогнула и попыталась отскочить от горящего окурка.

– Понимаете, она просто ушла. Ушла без предупреждения, сбежала...

– Как конкретно она могла это сделать?

Я спрашивала не просто так. Сама в свое время жила в загородном доме, знаю, что это такое. Элитный коттеджный поселок – это вам не деревня Запечье или Малые Дворики. Такие поселки обычно располагаются подальше от большой трассы и от других населенных пунктов. И добраться от них до шоссе можно только на собственном автомобиле, никакой общественный транспорт, разумеется, не ходит. Я несовременная женщина, не только машину не вожу, но даже на велосипеде кататься не умею, поэтому так и сидела все шесть лет своего замужества в загородном доме. Если нужно в город, то либо муж отвезет по дороге на работу, либо к соседям пристроюсь. Уж на крайний случай такси можно вызвать, но вряд ли горничная так сделала.

– Так каким образом ушла ваша горничная? – повторила я вопрос. – Ее отвез ваш водитель? Или у нее имелось собственное транспортное средство?

Выяснилось, что в тот день у горничной был выходной. И водитель довез ее до автобусной остановки на шоссе, это километров семь. Водитель ничего не заподозрил, Люся – горничную зовут Людмила – вела себя как обычно, они болтали о пустяках, из вещей у нее имелась с собой только дамская сумка, большая, конечно, но сейчас все так ходят.

– Она должна была вернуться вечером, – продолжала Маргарита Сергеевна, – водитель поехал ее встречать, проторчал там почти час, стал звонить ей на мобильный. Она ответила и сказала, что уволилась, больше работать на этих хозяев не станет.

– Она объяснила, почему?

– Нет, просто отсоединилась. Водитель вернулся и доложил все мне, телефон ее больше не отвечал. Тогда мы пошли в ее комнату и обнаружили, что все ее вещи исчезли. Когда она успела вынести чемодан – я ума не приложу. Водитель клянется, что ничего не видел, кухарка тоже. Оба они работают у нас несколько лет, у меня нет причин им не верить.

– Вы проверили ценные вещи? – вступил в разговор дядя Вася, сидевший до этого молча.

– Разумеется! – заказчица пожалала плечами. – Тем более что ни крупных сумм денег, ни драгоценностей я дома не держу. Есть кое-что у мужа в сейфе, я поглядела там в первую очередь, сейф нетронут. В доме есть, конечно, ценные вещи – столовое серебро, картины, фарфор... – она покосилась на пепельницу. – но все это вещи громоздкие, их на себе не унесешь. Тем более что все они целы.

– Стало быть, все цело, – подвел итог дядя Вася. – горничная вас не ограбила, не испортила ценное имущество, даже, я так понимаю, не получила причитающихся ей денег. Потому что сегодня двадцатое марта, а деньги вы ей платите в конце месяца, так ведь?

– Так. – Маргарита Сергеевна наклонила голову и достала еще одну сигарету.

– Так чего же вы от нас хотите? – осторожно спросил дядя Вася. – Чтобы мы нашли вашу девушку и слегка ее пожурили? Нехорошо, мол, подводить хозяев, следует две недели отработать, прежде чем убегать тайком... Мало ли какая у нее имелась причина, может ваш муж, уж простите за резкость, к ней приставал...

Я ожидала, что сейчас разразится гроза, и с упреком поглядела на своего компаньона – с чего это его так разбирает? Наше дело – внимательно выслушать человека, если клиент неперспективный – отказать, но зачем же хамить?

Но ровным счетом ничего не случилось, Маргарита Сергеевна если и рассердилась, то даже бровью не повела. Да уж, выдержки этой женщине не занимать!

– Все это свекровь... – вот теперь она едва заметно поморщилась. – она утверждает, что у нее пропали вещи.

– Вот как? – оживился дядя Вася. – И что же у нее пропало?

Маргарита Сергеевна тяжело вздохнула.

– Понимаете... моя свекровь... в общем, ей восемьдесят лет. И она... как бы сказать...

– В маразме? – понимающе кивнул дядя Вася.

– Ну не то чтобы совсем в маразме... но, в общем... короче, она говорит, что горничная украла у нее альбом с фотографиями.

– Да ну? – не выдержала я. – Да на... да зачем ей понадобился этот альбом?

А про себя добавила: «На фигу козе баян?»

– Именно это я ей и сказала. Но свекровь страшно рассердилась, она понятия не имеет, зачем девчонке понадобился альбом, но он пропал. А это, как вы понимаете, самое дорогое, что у нее есть. Она очень расстроилась, и муж мой принял это близко к сердцу. Ведь факт остается фактом – горничная ушла тайком. Никто ее не притеснял, не обижал, не было никаких скандалов, и вот... Обращаться в милицию у меня нет причин – ничего же ценного не пропало...

– Да уж... – согласился дядя Вася. – если вы будете милицию по такой ерунде вызывать, в то время как на свободе разгуливают опасные преступники...

Чтобы он окончательно не сел на своего конька, я незаметно дернула его сзади за рукав. В конце концов, если бы милиция выполняла свою работу качественно и в срок, то нам незачем было бы открывать частное детективное агентство. Все преступники оказались бы пойманы, граждане спокойно гуляли бы по улицам. И занимались бы мы с дядей Васей исключительно слежкой за неверными супругами. А ему это уже надоело до чертиков, сам недавно жаловался.

– Поэтому я прошу вас найти нашу бывшую горничную Люсю, а я сама с ней поговорю. Думаю, недоразумение разъяснится.

– И как мы должны ее искать? – встрепенулся дядя Вася. – У вас есть ее координаты? Вы видели ее паспорт?

– Конечно! – Маргарита Сергеевна даже удивилась. – Неужели вы думаете, что я приняла бы на работу человека без паспорта и приличных рекомендаций?

– Ну и... Что вы знаете о своей бывшей горничной?

– Зовут ее Васюкова Людмила Михайловна, прописка, кажется, петербургская...

– Значит, я так понимаю, что адреса домашнего вы не знаете...

– Зачем мне он? – Маргарита Сергеевна пожала плечами. – Девушка была аккуратна и исполнительна, ладила с остальной прислугой, мне никогда не перечила, так к чему мне было вступать с ней в частные беседы? Раз в неделю она брала выходной и уезжала в город, а куда и к кому... право, мне это неинтересно...

– Вы говорили о рекомендациях... – перебила я заказчицу.

– Ах да... дело в том, что мы нанимаем прислугу через кадровое агентство «Миссис Хадсон». Это солидное предприятие с отличной репутацией, они гарантируют своим клиентам высокое качество обслуживания. И тщательно проверяют всех, кто обращается к ним в поисках работы.

– Значит, Васюкова тоже пришла к вам от агентства? – спросил дядя Вася. – Тогда что мешает вам обратиться к ним и узнать ее адрес?

Впервые за все время разговора наша клиентка смутилась.

– Понимаете... дело в том, что...

Далее выяснилось, что владелица агентства – жена приятеля мужа Маргариты Сергеевны. Она из их круга, то есть знает всех, и ее тоже все знают. И если обрисовать ей проблему, то она, разумеется, девицу тут же найдет, но и растреплет об инциденте всем знакомым. А это нежелательно, потому что муж Маргариты Сергеевны – человек с определенным положением, и совсем ни к чему, чтобы его имя склоняли. Знаете, как случается – то ли он украл, то ли у него украли... и так далее, насчет калош. Тем более, что неизвестно, имела ли место кража...

– То есть вы хотите сказать, что этого альбома вообще не было? – уточнила я.

– Альбом был, – твердо ответила Маргарита Сергеевна, – старого образца альбом для фотографий, малинового плюша, с застёжками из латуни.

– А в нем хранились какие фотографии?

– Да черт его знает! – в сердцах ответила Маргарита Сергеевна. – Ни разу в жизни туда не заглядывала! Но моя свекровь... она...

– В маразме, – услужливо подсказала я.

– Не совсем, но... В общем, она сама могла его куда-нибудь засунуть... а потом запомнила... Бывали случаи...

– Точно! – оживился дядя Вася. – Вот моя теща, бывало, спрячет куда-нибудь кошелек, а потом кричит, что украли! Вызывай, говорит, милицию срочно! Я ей: мама, да я же сам милиция, найдем мы ваш кошелек. Тем более что никто его не крал, вы сами его прибрали в укромное место, а потом позабыли... Нет, орет, вызывай милицию, я тебе не верю!

– Нет пророка в своем отечестве, – усмехнулась Маргарита Сергеевна, – а в общем, я вас понимаю...

– А вот еще был с ней случай... – дядя Вася собрался удариться в воспоминания, но я была начеку и ткнула его кулаком в бок. Не за то клиент нам деньги платит, чтобы его байки про тещу слушать.

– Вы беретесь за мое дело? – спросила Маргарита Сергеевна, обретая прежний уверенный и спокойный вид.

– Да, конечно, – ответила я.

Не то чтобы мне так уж хотелось искать эту несчастную горничную, но денег в нашей общей с дядей Васей кассе совсем не осталось. Бонни ест не то чтобы много, но любит вкусненькое, а еще ветеринар велел давать ему зимой витамины. В общем, не в нашем положении отказываться от клиентов...

Напоследок Маргарита Сергеевна сообщила, что в агентство по найму прислуги просто так с улицы не войдешь. Если не представить рекомендацию, то там со мной и разговаривать не станут. Она, Маргарита Сергеевна, в данном случае ничем помочь не может, потому что не хочет обращаться ни к кому из знакомых. Так что нам уж придется самим что-нибудь придумать.

– Вы не волнуйтесь, – сказала я, – мы уж выкрутимся.

Аванс мы с дядей Васей честно поделили пополам, после чего решили выпить чаю. Он сказал, что смотрины прошли неудачно, потому что Бонни пришел в такое возбуждение при виде предполагаемой невесты, что своротил сарай и разбил стекла в теплице. Дело происходило за городом, чему я ужасно обрадовалась: от квартиры мой бегемот камня на камне не оставил бы...

– Так что не знаю, завяжется ли у них дело, – покачал головой дядя Вася. – может, найдут жениха поспокойнее...

– Сам виноват! – я отпихнула Бонни от стола. – Как вам, дядя Вася, наша новая клиентка?

– Так с виду дамочка приличная, только жадновата...

– Да с чего вы взяли? – удивилась я.

– А с того, что денег у нее куры не клюют, а она в наше задрипанное агентство обратилась. Ясное дело – денег жалко!

– А вот тут вы не правы... – я отставила чашку и положила на тарелку недоеденный бутерброд с сыром. – она потому и обратилась к нам, что нас никто не знает. Потому что такие люди, с деньгами и положением, они же кругом повязаны. Значит, агентством по найму прислуги владеет жена приятеля ее мужа, так? А детективным агентством заведует муж ее подруги. А за границу они ездят через фирму, которой владеет двоюродная сестра ее племянника. Или наоборот, племянница ее троюродного брата. В СПА-салон опять же она ходит к однокласснице своей закадычной подруги, и так далее. Так они все между собой связаны, все друг у друга клиенты, друг другу рекламу создают. Оно-то, может, и хорошо, когда кругом свои люди, но вот когда понадобится ей конфиденциальность, то ничего не выйдет. Все друг друга знают, все всем тут же все расскажут...

Тут у меня мелькнула мысль, с чего это наша клиентка так шифруется. Дело-то пустяковое... Но я тут же отогнала эту мысль, как несущественную и несвоевременную, и решила приступить к делу. Я потянулась за недоеденным бутербродом, но руки мои встретили пустоту. Вот именно, пока я тут распиналась, Бонни успел спереть мою еду. Сыр кончился, осталась булка и немного масла. Дядя Вася поднял глаза к потолку, из чего я поняла, что он был в курсе хулиганской выходки, но не стал Бонни укорачивать.

Я очень рассердилась и назло этим двоим достала из холодильника банку черничного варенья. Банку подарила дяде Васе соседка еще осенью, у нее дом далеко в деревне, там этой черники видимо-невидимо.

Щедрой рукой (не свое же!) я положила варенье на булку с маслом, а когда отвернулась, чтобы подлить себе чаю, то этот негодяй и обжора дернул на себя тарелку. Бутерброд подскочил, как резиновый мячик, и шлепнулся на клеенку. Разумеется, вареньем вниз, соответственно закону бутерброда.

– Бонни! – дядя Вася сильно расстроился из-за новой клеенки.

– Черничное не отмоешь, – подлила я масла в огонь.

– Разбойник какой! – дядя Вася шлепнул Бонни кухонным полотенцем и выпроводил из кухни.

– Сами его распустили, – сказала я, чтобы оставить за собой последнее слово.

После недолгого совещания мы решили, что в агентство «Миссис Хадсон» я пойду под видом девушки, которая хочет устроиться горничной в богатый дом. По возрасту я подхожу, по внешнему виду тоже, нужно только найти рекомендацию.

– Ну и где же мы возьмем эту рекомендацию? – протянул дядя Вася, тоскливо разглядывая пятно на столе, оставшееся от черничного варенья. – Это же надо не абы от кого, а от какого-нибудь богатого человека, точнее, от его жены... у меня лично таких знакомых нету!

– Да, вы правы... – пробормотала я. – тут нужно именно от богатого и от известного, тогда им не придет в голову звонить ему и переспрашивать... А то мало ли я навру...

– Тупик... – вздохнул дядя Вася и пошел в комнату, чтобы включить для Бонни телевизор.

Наш пес обожает смотреть новости. Он принимает близко к сердцу все происшествия и природные явления, очень расстраивается, однако липнет к телевизору с упорством, достойным лучшего применения.

Перед новостями показывали рекламу, мне не было видно экрана, но зазвучала песня, и голос знакомый...

– Где возьмем рекомендацию? – я выглянула в окно и вскочила, пораженная собственной гениальной мыслью. – Я знаю где! Мне даст рекомендацию знаменитая певица!

– Какая еще певица? – дядя Вася посмотрел на меня как на душевнобольную.

– А вот какая, – я показала ему на огромный плакат, висящий поперек улицы, извещавший, что завтра в Ледовом дворце дает концерт Татьяна Уланова.

– Не знаю такую... – дядя Вася пожал плечами.

– Да знаете, знаете, она то по радио, то по телевизору...

– А, это... – дядя Вася просветлел лицом и запел, безбожно фальшивя: – Ты чего-то там сказал... ля-ляля-ляляля-а... знает лишь ночной спортзал, как мне грустно бы-ы-ло...

– Да не спортзал, а вокзал, – рассмеялась я.

– Без разницы! – дядя Вася махнул рукой. – Ночной спортзал, речной вокзал... Тетка, а ты что – разве с ней знакома? – в голосе моего шефа прозвучал недоверчивый интерес. – Что-то ты никогда об этом не говорила... когда это ты с ней познакомилась?

– Я с ней незнакома, – ответила я загадочным голосом, – А вот вы познакомитесь!

– Что?! – на этот раз он смотрел на меня с откровенным испугом и явно решал – вызывать психиатрическую перевозку или попытаться обойтись домашними средствами. Например, окатить меня холодной водой, чтобы не несла чушь.

– Что?! – повторил он возмущенно. – Я и в молодости-то никогда бы не решился к ней подойти, а уж сейчас...

– Когда вы были молодым, она не пела, а в детский сад ходила, – я решила быть справедливой, – ну да ладно...

– Для начала вы пойдете на ее концерт. – и я изложила ему свою гениальную идею.

К чести дяди Васи, он выслушал меня не перебивая, и по ходу моего изложения его лицо менялось – от откровенного возмущения к сдержанному недоверию, затем – к интересу и даже уважению.

– А что... – проговорил он под конец. – Хоть на концерт схожу, музыку послушаю... поет она хорошо, не то что всякие попрыгунчики... Опять же, женщина интересная, и за таким знаменитым футболистом замужем...

– Вот и хорошо. Сходите на концерт, послушайте музыку, но только не очень увлекайтесь, не забудьте, зачем вы туда идете! А я пока подготовлю рекомендацию...

Я села за компьютер и в пять минут накатала сама себе потрясающую рекомендацию – написала, что подательница сего, Василиса Селезнева, год проработала прислугой, и за это

время показала себя скромной, исполнительной и трудолюбивой девушкой, блестяще справлялась со своими служебными обязанностями, поддерживала в доме чистоту и порядок, не болтала лишнего и всегда знала свое место...

Еще раз перечитав текст, добавила пару живописных фраз и отпечатала рекомендацию так, чтобы вся нижняя половина листа осталась свободной.

На следующий вечер дядя Вася надел свой лучший костюм (вообще-то он у него всего один на все случаи жизни), повязал галстук и отправился на концерт. Я собственноручно обмахнула его плечи щеткой и пожелала удачи.

В киоске около метро он по моему настоянию купил большой букет цветов (наша клиентка без слова согласилась оплатить возможные накладные расходы).

Концерт начался с небольшим опозданием, и очень скоро Василий Макарович понял, что выбрал не такое уж простое задание.

Во-первых, прежде он слушал пение Улановой только по радио, которое всегда можно немножко прикрутить. Или вообще выключить. А тут он сидел возле самой сцены, и любимая певица обрушивала на него огромные децибелы. Кроме того, сиденья в зале были жесткие, а соседи – шумные и подвижные.

В общем, он уже много лет не ходил ни на какие концерты и к концу программы очень устал. А ведь как раз сейчас ему и предстояло самое главное.

Зато ему почти не пришлось изображать старого и больного человека – он заметно хромал и опирался на палочку, которую я ему посоветовала взять, чтобы вжиться в образ.

По окончании концерта певица не ушла со сцены: ее окружили фанаты с букетами цветов и программками, на которых они мечтали запечатлеть ее автограф. Вот в эту-то толпу и вклинился Василий Макарович со своей палочкой.

– Деточки, пропустите! – причитал он, ловко расталкивая толпу фанатов. – Пропустите меня к Танечке!

Окружающие, заметив такое чудо природы, расступились, и Василий Макарович со своим букетом оказался перед певицей.

Та умилилась, приняла у пожилого фаната букет и даже поцеловала его в щеку. От этого дядя Вася так оторопел, что чуть не забыл, зачем, собственно, пришел на концерт.

Только когда его начали недвусмысленно отодвигать от звезды, он опомнился и протянул Татьяне сложенный вдвое лист.

Уланова размашисто расписалась на нем, на зависть остальным фанатам.

Дядя Вася вернулся домой с каким-то странным, несколько задумчивым и затуманенным лицом.

– Какая женщина! – проговорил он, войдя в квартиру и по ошибке направившись вместо кабинета на кухню. – Какая женщина!

– Дядя Вася, очнитесь! – я помахала рукой перед его лицом. – Вы получили автограф?

– Можешь себе представить – она меня поцеловала! – и он ткнул пальцем в левую щеку, где виднелся отпечаток помады, – Меня... меня – поцеловала!

– Да очнитесь вы наконец! – я почувствовала непонятное раздражение и что-то вроде ревности. – Вы подписали у нее бумагу?

– А? Что? – переспросил он, оглядевшись и словно не понимая, где находится, и как сюда попал. – А, бумагу... да, подписал! – и он протянул мне лист с рекомендацией, в нижней половине которого красовалась размашистая подпись певицы.

– Отлично... – одобрительно протянула я, – подходит...

– Василиса... – робко сказал дядя Вася. – а нельзя как-нибудь без этого обойтись? Ну, чтобы бумагу эту куда-то не носить, я бы автограф на память оставил...

– Василий Макарович! Гражданин Куликов! – возмущенно воскликнула я. – Очнитесь наконец, сообразите, на каком вы свете! У нас важная работа, а вы тут...

– Ну ладно, ладно... – он поднял руки и попятился, – делай, как знаешь...

– Значит, завтра утром заедете за мной... – на всякий случай я забрала рекомендацию с собой, чтобы дядя Вася не питал беспочвенных надежд.

Наутро я оделась скромно, но со вкусом. Это было не так-то просто. Денег катастрофически не хватает, чтобы обновить гардеробчик. Ну, для агентства по найму прислуги сойдет.

Дядя Вася довез меня до места на своем выдавшем виды «жигуленке». Бонни наотрез отказался остаться дома, с ним такое бывает. Мы с ним живем в двухэтажном доме, наша квартира на первом, а соседи – на втором. К дому примыкает небольшой участок земли, и Бонни очень любит проводить там время. Но сейчас зима, и надолго его оставлять там нельзя, Бонни все же бордосский дог, а не эскимосская собака. А в маленькой квартирке он один находиться не может. Иногда я подозреваю, что у моего пса клаустрофобия. Сегодня с утра он начал выть, лаять, с разбегу налетал на двери, таранил их своей каменной головой. Мы побоялись, что он просто вдребезги разнесет квартиру, а даже если она каким-то чудом устоит – перепуганные соседи вызовут милицию, и взяли его с собой. Он сразу успокоился и с трудом втиснулся на заднее сиденье машины.

Я выбралась из машины перед самым входом и велела дяде Васе и Бонни вести себя хорошо и ждать меня на этом самом месте.

Агентство занимало большое помещение в первом этаже нового бизнес-центра на Петроградской стороне. Судя по просторному холлу, отделанному с солидным, неброским изяществом, дела здесь шли блестяще. Перед входом дремал охранник – рослый откормленный парень в черном костюме, с широкими плечами и лицом, не отягощенным признаками интеллекта.

На низких кожаных диванчиках вдоль стен ожидали приема такие же, как я, кандидатки на должности горничных, домоправительниц и кухарок. Все они выглядели такими взволнованными, как будто пришли не заниматься прислужгой, а самое меньшее пробоваться на главную роль в блокбастер. Топталось здесь и несколько мужчин – наверное, водители и садовники, однако женщины составляли явное большинство. Почти все были постарше меня – в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти, хотя встречались и явные пенсионерки.

Ну да, какая же нормальная хозяйка возьмет на работу двадцатилетнюю горничную? Нужно быть круглой душой, чтобы впустить в свой дом юное создание с длинными ногами и голубыми глазами, которое будет с утра до вечера вертеться перед носом у мужа!

Я заняла очередь за озабоченной пятидесятилетней тетенькой. Она была вся какая-то кругленькая и уютная – круглое добродушное лицо, щеки как румяные яблоки, сама как колобок, волосы уложены бубликом, как у Юлии Тимошенко. Все вместе производило впечатление уюта, домовитости и спокойствия, так что, будь я обеспеченной домохозяйкой, я не задумываясь взяла бы такую женщину на должность кухарки или домоправительницы.

Тем не менее, сама тетенька заметно нервничала и то и дело заглядывала в толстую тетрадку в черной клеенчатой обложке. Я заинтересовалась и через плечо подсмотрела в ее тетрадку. Мне удалось прочитать начало рецепта:

«Гусь с грецкими орехами и черносливом».

Тетенька заметила мой маневр, неодобрительно покосилась на меня и захлопнула тетрадку. На лице у нее появилось выражение враждебности и недоверия, как будто я пыталась выведать у нее важный государственный секрет. Впрочем, может быть, для опытной домоправительницы этот рецепт рождественского гуся куда важнее любого самого страшного оборонного секрета!

Да, люди серьезно подготовились к визиту в агентство! Я на таком фоне буду выглядеть легкомысленной, неподготовленной и непрофессиональной, и вряд ли могу рассчитывать на хорошее место... Впрочем, напомнила я себе, мне и не нужно никакое место, у меня совсем другие цели – выяснить координаты пропавшей горничной...

Я успокоилась и снова огляделась по сторонам.

Как я уже сказала, большинство претенденток, как и моя соседка, заметно нервничали. Зато посреди холла стоял большой стеклянный аквариум, в котором находилось единственное в своем роде совершенно спокойное существо. Это была огромная экзотическая ящерица – то ли агама, то ли игуана, честно говоря, я их не различаю, потому что в школе на уроках биологии читала под партой книжки или шепотом болтала с соседкой по парте. Со временем мы научились разговаривать, почти не разжимая губ, и понимали друг друга с полувзгляда.

Сначала я подумала, что эта ящерица вообще не живая, а чучело или муляж, потому что она несколько минут сохраняла полную неподвижность, вцепившись лапами в сухую корягу. Но когда я уже вполне уверилась, что это чучело, ящерица вдруг переместилась, молниеносно выбросила язык и слопала легкомысленную муху, непонятным образом проникшую в аквариум. После этого ящерица снова окаменела.

Я с таким интересом наблюдала за ее повадками, что чуть не прозевала свою очередь. Опомнилась я только тогда, когда увидела, что из кабинета выходит моя соседка, та самая домовитая тетенька с бубликом на голове.

Если прежде вид у нее был озабоченный, то теперь растерянный и озадаченный.

– Ну что – взяли? – спросила ее взволнованная претендентка, которая вертелась под дверь.

Вместо ответа озадаченная тетенька только отрицательно покачала головой.

– Звери! – воскликнула претендентка, заламывая руки. – Что же делать? Что делать?

Она отскочила от двери, а я встала и вошла в кабинет, пользуясь всеобщей растерянностью.

За столом сидела женщина лет сорока в сером деловом костюме, с жестким и непроницаемым лицом. Такие лица чаще всего бывают у паспортисток, сотрудниц отдела кадров и надзирательниц в нацистских концлагерях. Впрочем, понятное дело, таких надзирательниц я видела только в кино.

Оглядев меня с ног до головы, кадровичка холодно проговорила:

– Садитесь!

Голос у нее был под стать внешности – неприязненный и скрипучий, как заржавленный колодезный ворот.

Я села и уставилась на нее преданным взглядом, как будто от ее благосклонности зависела моя судьба.

– И на что вы рассчитываете? – проскрипела она.

От ее презрительного взгляда и ледяного голоса я почувствовала себя маленькой и ничтожной букашкой, которая случайно заползла в этот просторный кабинет и захотела поскорее спрятаться, забиться куда-нибудь под ножку стола или в щель между стеной и плинтусом.

Своим взглядом и голосом кадровичка ясно дала мне понять, что лучшее место, которого я могу добиваться – это младший помощник дворника или ассистент судомойки, и то – без оплаты и с длительным испытательным сроком.

Правда, я тут же напомнила себе, что на самом деле никакое место мне не нужно, и немного приободрилась.

Взяв себя в руки, я проговорила как можно тверже:

– Ну, я могу делать любую работу по дому. Прибираться, готовить, следить за чистотой...

– Прибирать! Готовить! – передразнила меня кадровичка. – Нашли, чем удивить! В наше время опытная прислуга должна идти в ногу со временем, с техническим прогрессом! А вот вы – владеете ли вы специализированным программным обеспечением?

– Каким еще обеспечением? – спросила я растерянно. – Я умею гладить белье, печь пироги...

– Вчерашний день! – оборвала меня женщина. – Этим в наше время никого не удивишь! А вот умеете ли вы пользоваться современной домашней техникой?

Я немного оживилась:

– Ну, конечно, я умею обращаться с пылесосом, стиральной и посудомоечной машиной...

– Каменный век! – фыркнула она. – Вы бы еще сказали, что умеете пользоваться корытом!

– Во всяком случае, моя предыдущая хозяйка была довольна! – проговорила я и положила на стол перед гримзой свою роскошную рекомендацию.

– Что вы мне суете? – проскрипела она, однако начала читать.

Дочитав до конца и увидев подпись, она постучала ногтем по бумаге и повернулась к соседнему столу.

Только теперь я заметила, что кроме нас двоих в кабинете находится еще один человек – женщина неопределенного возраста в розовой водолазке, с длинными золотисто-розовыми локонами и мечтательным взглядом стареющей оптимистки. На столе перед ней стоял компьютер с гламурной розовой клавиатурой.

– Посмотри, Ангелина! – проговорила кадровичка не таким скрипучим голосом, как прежде, и подала ей мою рекомендацию.

Я догадалась, что две женщины играют в старинную игру «добрый и злой полицейский». То есть в нашем случае – добрый и злой кадровик.

– Что это, Алевтина? – розовая дама двумя пальчиками взяла листок, поднесла к глазам и принялась читать, шевеля губами.

Видимо, она страдала близорукостью, но не носила очков, считая, что они ей не идут. Дочитав и увидев подпись, она всплеснула руками. Рекомендация при этом спланировала на стол.

– Какая прелесть! – воскликнула Ангелина, вскочила из-за стола и обратилась ко мне. – И как он? Правда – душка?

– Кто? – переспросила я растерянно.

– Ну, как – кто? – Ангелина снова всплеснула руками, поражаясь моей непонятливости, – Ведь вы работали в доме Улановой... значит, вы постоянно сталкивались с ее мужем! Он такой душка! Просто конфетка! Зефир в шоколаде! Я его обожаю!

До меня дошло, что она говорит о муже певицы, известном футболисте. Думаю, ему бы не понравилось сравнение с конфеткой, а тем более с зефиром в шоколаде. Я представила, как зефир в шоколаде гоняет мяч по полю... Или бьет пенальти...

Выходило очень смешно. Я низко нагнула голову, кусая губы. И вовремя, потому что железобетонная Алевтина бросила на меня острый пронизывающий взгляд. Потом перевела его на Ангелину, и та сразу же умерила свои восторги.

– Так могу я надеяться? – самым смиренным тоном спросила я.

– Работа в загородном доме с проживанием... – сказала Алевтина.

– Ну да! – я сделала вид, что обрадовалась. – Я мечтаю о такой работе! Я постараюсь оправдать ваше доверие!

– Мы внесем вас в свою базу данных, – сухо проинформировала меня железная Алевтина, – и сообщим вам, как только появится подходящий вариант.

Я прижала руки к сердцу и поглядела на нее умоляющими глазами. Но это было все равно, что стараться разжалобить могильный камень или мельничный жернов.

– Думаю, что это будет довольно скоро, – добавила от себя Ангелина, покосившись на рекомендацию, валявшуюся на столе.

– Займись делом! – строго бросила ей Алевтина.

– Я буду ждать от вас сообщения! – воскликнула я. – От телефона не отойду!

Я хотела было еще высказаться на данную тему, но в эту секунду дверь кабинета с грохотом распахнулась, и внутрь влетело что-то огромное и бесформенное, отдаленно напоминающее то ли пыльный смерч, то ли золотисто-коричневую шаровую молнию. В следующее мгновение из этого золотистого смерча проступила тяжелая лобастая голова и четыре лапы, и я узнала своего обожаемого Бонни.

Я хотела прикрикнуть на него, призвать к порядку, но не успела даже рта открыть – он первым разинул свою огромную пасть, продемонстрировав полный комплект страшных зубов, и громко рыкнул.

Этого оказалось достаточно.

Даже более чем достаточно.

Твердокаменная Алевтина побледнела, вскочила и вылетела из кабинета, как пробка из бутылки, а более ранимая и чувствительная Ангелина издала негромкий стон и без сознания сползла на пол.

– Бонни, чудовище! – воскликнула я возмущенно. – Что ты себе позволяешь? Зачем ты сюда ворвался?

Золотистый негодяй как ни в чем не бывало подскочил ко мне, облизал своим шершавым языком (у меня было такое ощущение, что на меня вылили ведро с водой, или даже обрушили цунами) и проворчал что-то невнятное, но очень ласковое.

Я давно уже с ним общаюсь и постепенно научилась понимать его язык. По крайней мере, мне так хочется думать. Так, в данном случае его ворчание значило следующее:

«Я почувствовал, что мою обожаемую хозяйку здесь обижают, что к ней относятся без должного почтения, и просто обязан был немедленно прийти на помощь!»

– Я, конечно, очень ценю твою заботу, Бонечка, – проговорила я раздраженно. – Но ты сорвал мне операцию! Кроме того, женщине стало плохо... ты же знаешь, что твое внезапное появление на неподготовленного человека действует почище электрошокера!

С этими словами я наклонилась над бесчувственной Ангелиной и проверила ее пульс.

Пульс оказался ровный, и лицо ее немного порозовело. Мне показалось, что организм взял свое, обморок, вызванный появлением Бонни, уже перешел в здоровый глубокий сон, и Ангелине сейчас снится знаменитый футболист в шоколаде...

Тут до меня дошли сразу две вещи: во-первых, ругать Бонни бесполезно, все претензии можно предъявлять только к дяде Васе, который за ним не уследил. И, во-вторых – своим появлением он вовсе не сорвал мою операцию, более того – очень мне помог.

Потому что я осталась в кабинете один на один с гламурным компьютером Ангелины.

Я уселась за стол спящей красавицы и защелкала пальцами по клавиатуре. Пароль компьютер не потребовал, поскольку послушная Ангелина уже успела войти в базу данных агентства. Ей же велели ввести туда мои координаты.

Отыскав список прошедших через «Миссис Хадсон» кухарок, горничных и экономок, я очень быстро нашла среди них Людмилу Васюкову. Само собой разумеется, в базе имелся ее адрес, телефон и фамилия хозяйки – Богуславская Маргарита Сергеевна. Кроме того, в базе данных обнаружилась фотография, очевидно из паспорта. Девушка оказалась довольно невзрачная, светленькая, вернее какая-то белесая. Глазки маленькие, носик пуговкой, губки поджаты. Вот уж, наверное, идеальная горничная. Так и видишь, как она неслышно ходит по дому и на все замечания отвечает тихим голосом: «Будет сделано. Не беспокойтесь. Я все поняла».

Впрочем, фотография была официальная, маленькая, по такой и не поймешь, какой человек на самом деле.

Я быстренько выписала все данные, закрыла документ и хотела уже покинуть кабинет, как вдруг за дверью раздался подозрительный шум.

Заподозрив неладное, я поднялась из-за стола и подкралась к двери. Прижавшись к ней ухом, расслышала голоса.

– Это бандиты! – разобрала я скрипучий голос Алевтины. – Бандиты или террористы! Они взяли заложников и сейчас потребуют выкуп. Ты должен что-то предпринять...

– Их там много! – возражал испуганный мужской голос. – Я один не справлюсь, нужно вызывать милицию!

– Ты же помнишь, что говорила Марианна Артуровна – никакой милиции! Мы не должны привлекать ее к агентству внимание. От милиции не так легко отделаться, как от обычных бандитов. Нужно справиться собственными силами...

– Я один не справлюсь... – не сдавался мужчина. – Хотя бы Вячеслава позовите...

Я поняла, что под дверью находится широкоплечий охранник, и Алевтина безуспешно пытается послать его на штурм кабинета. Следовало удирать, пока их только двое.

Я взглянула на Бонни – и он понял меня с полуслова... точнее, с полувзгляда, ничего говорить мне не пришлось.

Он встал перед дверью, разинул пасть и издал такой оглушительный рев, что у меня заложило уши, а на столе у Ангелины с жалобным звоном раскололся стакан.

Думаю, примерно такой леденящий кровь рев издает по ночам голодный лев, предупреждая остальных обитателей саванны, что он выходит на охоту.

За дверью раздался истошный визг и убегающие шаги. Я резко распахнула дверь и вцепилась в ошейник Бонни.

Мой четверолапый друг понесся через холл к выходу, я буквально висела на нем и едва успевала перебирать ногами. Однако успела окинуть взглядом опустевший холл и увидела в углу прячущуюся за кадку с пальмой Алевтину, лежащего на полу без чувств охранника и ящерицу, которая в полном восторге носилась по аквариуму, следя за нашим триумфальным бегством. Видимо, она приняла Бонни за льва и вообразила, что чудесным образом перенеслась в родную Африку.

Не снижая темпа, Бонни миновал вход и вылетел на тротуар перед бизнес-центром. В нескольких шагах от входа, перед своими «Жигулями», нас ожидал дядя Вася.

– Понимаешь, тетка, я его не сумел удержать... ну, ты же знаешь, как это с ним бывает! В него точно бес вселился!

– Некогда, потом расскажете, сейчас надо быстро удирать! – крикнула я, буквально впрыгивая в машину. – А то нас задержат за вооруженный грабеж и попытку взять заложника...

Бонни все понял без дополнительных пояснений и моментально втиснулся на заднее сиденье.

Дядя Вася, надо отдать ему должное, не задавал больше никаких вопросов, он занял водительское место и включил зажигание. К счастью, машина не подвела, завелась с полубороты и даже тронулась с места, как настоящая.

Впрочем, погони за нами не было – Бонни так напугал сотрудников и охрану агентства, что они еще долго боялись высунуть нос на улицу.

Мы смешались с потоком машин и проехали несколько кварталов, когда дядя Вася сбросил скорость и повернулся ко мне:

– Ну, теперь нам в это агентство больше не попасть. Тебя теперь и на порог не пустят...

– А мне и не надо! – и я повертела перед носом своего начальника сложенным вчетверо листочком.

– Что это? – спросил он недоверчиво.

– То, что мы искали! Координаты пропавшей горничной Людмилы Васюковой! Адрес и телефон... Так что, дело можно считать выполненным? Звоним заказчице...

– Не знаю, не знаю... – с сомнением пробормотал дядя Вася. – надо бы до конца прояснить ситуацию... А то как бы не случилась накладка. Может, она по этому адресу и не живет сейчас... Вот был у нас как-то случай...

Не отрывая глаз от дороги, дядя Вася начал рассказывать:

– Мужик один приехал в наш город откуда-то из-за Урала. Ну, устроился здесь на работу, выучился, карьеру сделал. Причем не просто так, с бухты-барахты, а выгодно женился. Тесть какой-то там шишкой оказался, поспособствовал зятюку дорожному с карьерой. Ну, живут, благоденствуют. А у него, у мужика там, за Уралом, оказывается, жена осталась. Он когда уезжал, то обещал ей золотые горы. Мол, устроюсь, денюжат подзаработаю. И тебя сразу выпишу. А после огляделся и сообразил, что ни к чему ему в большом городе кулема зауральская. Ему надобно жену образованную, городскую. Опять же тесть – большая шишка.

Бонни с заднего сиденья просунул голову между нами и с интересом прислушивался к рассказу. Дядя Вася притормозил на светофоре и продолжал:

– В общем, мужик этот, когда жениться собрался, написал своей первой, что хочет развестись. А она ему – фиг тебе с маслом, о разводе и не мечтай. Он тогда дело решил просто – потерял паспорт, получил новый, чистый, без всяких штампов о браке. И женился по новой.

Проходит несколько лет, и та, первая жена, вдруг приезжает в Ленинград. Она, оказывается, там у себя тоже карьеру сделала, стала на заводе не то начальником цеха, не то завскладом. В общем, подвернулась ей командировка и решила она муженька своего навестить, в глаза ему поглядеть.

Ну, приехала, в гостинице поселилась, нашла его адрес и телефон по горсправке, звонит ему. Тот напугался, потому что у него с новой женой к тому времени отношения испортились. То ли он по бабам бегать начал, и она его засекла, то ли еще что. Женился-то он на ней по расчету, из-за тестя. А из такого брака, сама понимаешь, ничего хорошего в итоге не получается.

Я усмехнулась про себя – какой у дяди Васи поучающий тон... Словечка в простоте не скажет, все ему надо меня воспитывать...

– Побежал этот мужик к первой своей жене в гостиницу, и крепко они там поругались, – продолжал дядя Вася, трогая машину с места. – Он-то сначала денег ей предлагал за молчание, она отказалась, в лицо ему плюнула. Он тогда наезжать начал, оскорблять ее по-всякому, у меня, говорит, положение, я тебе жизнь испортить могу сильнее, чем ты мне... Короче, как даст она ему в морду, так он на пол свалился и копыта откинул. Она, первая-то жена, рослая женщина, сильная, сама понимаешь – с Урала. Не рассчитала удара, успокоила муженька. Он отдыхает на полу, а она пульс щупает. От волнения никак найти не может, с перепугу думала, что навеки он угомонился. Испугалась, конечно, и решила деру дать. Дома, думает, и стены помогают, а тут ее никто не знает, родных-знакомых нету, передачи и то некому носить...

Короче, удалось ей как-то удрать незаметно. А в номер дежурная сунулась зачем-то – не то кого подселить, не то полотенца пересчитать... В общем – шум, гам, милиция, «Скорая помощь»... Вкололи чего-то мужику, он и очнулся. Но ничего не помнит – как в номер попал, что тут делал... И документов у него никаких с собой нету... В гостинице говорят – заселилась Кондакова Елена Ивановна, а куда делась – понятия не имеют.

Милиция стала искать по своей базе данных – есть такая, живет там-то. Ты понимаешь, какое дело-то оказалось... – дядя Вася прыснул, – у него обе жены оказались одинаковыми. То есть, что они обе Кондаковы – понятно, взяли фамилию мужа, а вот что обе – Елены, да еще и Ивановны – так ему сильно повезло...

– Ну и что там было-то, с этими женами? – я наконец заинтересовалась рассказом.

– В общем, в милиции недолго думали, поехали по месту жительства этой Кондаковой, то есть на самом деле второй жены. Вы такая-то? – спрашивают. Та паспорт показала. Ну, ее и сцапали по подозрению в попытке убийства. Пока там разобрались, у нее еще алиби на это время не было, она твердит, что той гостиницы в глаза не видела, а время позднее, никому

неохота вызывать дежурную по этажу. Сунули ее до утра в камеру, а утром тот мужик, муж-то, в себя пришел, вспомнил, кто он есть. Разобрались, ту, первую-то жену с поезда сняли в Череповце... Самое интересное, что ничего ей не было, мужик иск подавать отказался, раз живой остался. Только заикается маленько и руки трясутся.

– Легко отделался... – сказала я.

– Да, только вторая-то жена все равно его из дома выгнала. Она, понимаешь, той ночи в обезьяннике ему простить не могла. Да еще тесть подсуетился, сделал так, что его с работы уволили. Ну, мужик помотался – жить негде, работы нету – да и поехал назад, за Урал. А только там первая жена его и на порог не пустила, тут же на развод подала. Вот, а все потому, что не проверили, какая есть нужная Елена Ивановна Кондакова. Так что, тетка, надобно все выяснить насчет Васюковой, прежде чем клиентке звонить...

Он затормозил у неказистого серого дома. Я поглядела на номер и с удивлением сообразила, что дядя Вася привез меня к нужному адресу.

– Ну, вы даете... – проговорила я. – зубы мне заговорили, голову заморочили историями из своей богатой жизненной практики... Надо хоть позвонить сначала...

Номер телефона оказался мобильным и, ясное дело, не отвечал.

– Пойду уж, – со вздохом сказала я, – только вы меня не ждите, а то Бонни снова с катушек сойдет...

Я нажала на кнопку. За дверью, вместо обычного звонка или гонга, раздалось громкое мяуканье. Не поверив собственным ушам, я снова надавила на кнопку – и в ответ снова послышалось громкое отчетливое «мяу».

Вот это интересно! У многих людей вместо дверного звонка записано птичье пение, милицейский свисток или какая-нибудь популярная мелодия, но кошачье мяуканье я слышала впервые...

Пока я размышляла на тему необычного звонка, из-за двери донеслись странные хромящие шаги, перемежающиеся громким стуком, и молодой голос:

– Иду, иду уже! Подождите... Марьяна, не путайся под ногами!

Звякнул замок, и дверь распахнулась.

Передо мной стояла высокая молодая девица с растрепанными красно-зелеными волосами и колечком в носу. Она опиралась на металлический костылик, а левая нога была в гипсе. И к этой загипсованной ноге опасливо жалась симпатичная сиамская кошка.

– Ты кто? – спросила девица, окинув меня удивленным взглядом.

Захотелось сказать в той же лаконичной манере «Конь в пальто!», но я предпочла ответить вопросом на вопрос:

– Васюкова Людмила Михайловна здесь проживает?

– Ну, здесь! – ответила девица, поубавив гонора. – А чего надо?

– А где она сейчас? – осведомилась я без большой надежды на успех.

– Да ты заходи, – девица отступила. – Чего на лестнице-то разговаривать?

Я обрадовалась приглашению и протиснулась в прихожую. Кошка тут же двинулась ко мне, явно намереваясь потереться об ноги, чтобы оставить на мне свой запах, но на полпути резко остановилась, чихнула и попятилась – должно быть, почувствовала запах Бонни. Я взглянула на нее насмешливо и закрыла за собой дверь.

Прихожая оказалась малогабаритной – то, что называется «больше двух не собирайся», а нас, считая кошку, насчитывалось уже трое, так что было тесновато.

– Ну, так где сейчас Людмила Васюкова? – повторила я свой вопрос.

– Здесь. – девица смотрела на меня с каким-то странным выжидающим выражением. – А чего тебе от нее нужно?

– Где – здесь? – я заглянула через плечо девицы в глубину квартиры, но больше никого не увидела.

– Здесь! – повторила она. – Так все-таки, чего надо?

– Васюкова не вернула вовремя книгу в библиотеку, – выдала я первую попавшуюся заготовку. – А у нас на эту книгу большая очередь...

– Книгу? – переспросила девица в полном изумлении. – Какую еще книгу?

– Уход за грудным ребенком в первые месяцы вскармливания! – выпалила я, сама удивляясь собственной сообразительности.

– Чего? – девица побледнела и захлопала глазами. – Да ты что такое говоришь?.. Какие дети? Я вообще не замужем...

– Причем тут ты? Я хочу поговорить с Людмилой Васюковой!

– Да я и есть Люся Васюкова! – выпалила она, еще немного отступив.

– Как?! – теперь наступила моя очередь хлопать глазами.

Эта девица несколько не походила на ту Людмилу, которую нам поручила искать заказчица. Та была бледненькая, невзрачная особа небольшого роста, без намека на фигуру и с короткими, довольно жиденькими волосами неопределенного цвета. Эта – рослая, высокая, яркая, да еще с разноцветными волосами и кольцом в носу. Конечно, волосы можно покрасить, и кольцо в ноздрю вставить недолго, но изменить рост и фигуру гораздо сложнее, особенно за такое короткое время. Кроме того, что заказчица дала словесное описание горничной, я еще обнаружила фотографию в базе данных агентства – так вот в ней не имелось никакого сходства с моей теперешней собеседницей! Ко всему прочему, еще и сломанная нога... ну, положим, сломать ногу в начале марта немудрено...

– Ты? – повторила я удивленно. – Людмила Васюкова? Людмила Михайловна Васюкова?

– Ну да, – девица пожалала плечами. – Только я ни в какую библиотеку не записана. Я вообще ни разу в жизни в библиотеке не была! Я даже не знаю, где она находится!

– Да уж, – кивнула я.

Действительно, она, со своим кольцом в носу и разноцветными волосами, не очень походила на типичную посетительницу районной библиотеки.

Девица выдохнула и добавила тише, но с большим чувством:

– И книжки про уход за грудными детьми мне, слава богу, пока без надобности...

– Да я вижу... – проговорила я, пытаюсь осознать происходящее. – Тут какая-то ошибка... вы на нее несколько не похожи...

– Пойдем, кофе хоть выпьем, – неожиданно предложила хозяйка квартиры.

В первый момент я удивилась такому гостеприимству, но она сама все объяснила, как только мы прошли на ее маленькую кухню и я уселась за шаткий столик:

– Надоело одной дома сидеть... с моей ногой никуда не выйдешь, ко мне никто не приходит – скука смертная! Только с Марьяной и остается разговаривать! Месяц я уже от тоски вою!

– Месяц? – переспросила я заинтересованно. – Ты уже месяц с переломом маешься?

– Ага, – подтвердила она охотно. – Как раз месяц назад на катке ногу сломала...

Если у меня еще и оставались какие-то сомнения, то сейчас они отпали: эта девица никак не могла быть нашей пропавшей горничной, потому что та исчезла всего несколько дней назад и никакого перелома или вывиха у нее не наблюдалось.

А Люся продолжала говорить, обрадовавшись хоть какому-то собеседнику:

– Хорошо, что Гоша оказался нормальным парнем – довез меня до травмпункта, а потом до дома... другой на его месте запросто мог послать меня подальше, мы ведь почти и знакомы-то не были... я имею в виду, в реале...

– Гоша? – переспросила я. – Кто такой Гоша?

– Ну, тот парень, с которым я была на катке... мы с ним познакомились по Интернету, и тогда как раз впервые встретились в реале... Прикинь: сначала переписывались, он вроде

перспективным мне показался, работа, говорит, интересная, в Финляндии часто бывает. Ну, думаю, врет, как обычно все в инете... Послала ему фотографию свою, давай, пишу, встретимся, пообщаемся, так сказать, лично. А сама жду, какой кабак он предложит. По этому очень даже можно человека определить: если забегаловка дешевая, то и встречаться не стоит, точно парень полным козлом окажется. А если очень дорогой, шикарный ресторан, то тоже надо начеку быть, потому что спокойно можно нарваться на жулика. Знаешь, есть такие – позовет в ресторан, наест, напьет, а после слиняет. Подружка моя так влетела на большие деньги, чуть до милиции дело не дошло.

– Ну, это надо... – я бросила заинтересованную реплику, чтобы оживить разговор.

– Ага, ну жду я ответа, а он вдруг приглашает меня на каток, – продолжала Люся, между делом ловко двигаясь по кухне при помощи костыля.

Кофеварка у нее оказалась новая, очень красивая, на кухне вкусно запахло кофе.

– Я так подумала, а что? Значит, на коньках стоять умеет, а не только возле компа сидеть. Ну, костюм взяла у подруги новый, финский, тут все в обтяжку, а там свободно... – она показала на себе, где как.

– Ну и что, парень-то симпатичный оказался? – спросила я, попробовав кофе, он оказался очень крепким.

– Все при нем, – горестно вздохнула Люся, – ну, думаю, повезло... и надо же – сразу такой облом! – она постучала костяшками пальцев по гипсу. – Вот теперь сию здесь одна, скучаю... Сама понимаешь, никакой парень месяц ждать не станет, нашел уже себе небось другую...

Кошка вспрыгнула к ней на колени и потерлась щекой – она напомнила хозяйке, что та вовсе не одна.

– Ой, – спохватилась Люся. – А печенья-то я не положила...

– Ладно, сиди, – я встала. – Я сама достану... только вот что я хочу у тебя спросить – ты случайно паспорт не потеряла? Ведь к нам в библиотеку под твоим именем записалась другая девушка...

– Может, однофамилица? – предположила Люся. – У меня фамилия не такая уж редкая...

– Ага, и адрес у нее точно такой же, как у тебя!.. извини, подруга, но этот вариант не проходит!

– Ну, не знаю... – она тоже поднялась, сбросив кошку с коленей. Марьяна недовольно мяукнула и удалилась в коридор, всем своим видом выражая оскорбленное достоинство.

– Не знаю... – повторила Люся недовольно. – Я, конечно, проверю, но вообще я что – ненормальная, чтобы паспорт потерять...

Она подошла к подвесному кухонному шкафчику, достала из него красную пластмассовую банку, на которой было написано «сахар».

– Я вообще-то сахар не люблю... – сообщила я. – Даже кофе без сахара пью... Так что если ты мне, то не надо...

– Да это не сахар, – Люся поставила банку на стол и сняла с нее крышку. – Я в этой банке всякие документы храню. Ну, на всякий случай, чтобы не пропали...

– Если от воров – то это зря, – выдала я профессиональный совет. – Современные воры в первую очередь проверяют банки с крупами и сахаром, а также холодильник, потому что все теперь именно там прячут деньги и ценности.

– Да что ты говоришь? – Люся удивленно взглянула на меня. – А я думала, что одна такая умная... надо будет перепрятать. Может, в системный блок компьютера... Конечно, у меня денег не очень-то много, но все равно обидно будет, если пропадут...

Она вынула из банки стопку каких-то квитанций, отложила их в сторону и снова запустила руку внутрь.

– Ну, вот же он! – с победным видом она достала потрепанный паспорт и протянула его мне. – Вот видишь, он на месте, так что я все помню...

Я машинально взяла паспорт в руки, пытаюсь понять, в чем же дело. Ведь если паспорт Людмила на месте, то как же он попал к пропавшей горничной? Паспорт точно был настоящий, у этой Алевтины, что сидит в агентстве на кадрах, глаз, что рентген...

Так же машинально я открыла книжечку и удивленно уставилась на первую страницу.

Несколько секунд я растерянно молчала, переваривая увиденное.

– Ты считаешь, что это ты? – проговорила я не очень вразумительно по прошествии этих секунд.

– А кто же еще? – недоуменно переспросила Людмила, и взглянула через мое плечо в раскрытый паспорт.

– Ой! – воскликнула она в следующую секунду.

С первой странички паспорта на нас смотрел жгучий брюнет лет сорока с лихо закрученными усами. Под фотографией были его данные. Звали брюнета Отари Ираклиевичем Гунтаришвили, родился он в Кутаиси сорок пять лет назад.

– Ой! – повторила Людмила, удивленно хлопая глазами. – Это не я! Кто же это такой?

– Ты меня спрашиваешь? По-моему, ты скорее должна знать, что это за человек!

– Первый раз его вижу! – проговорила она жалобно. – Вот что хочешь делай...

– Слушай, а ты на катке только ногу сломала, – осторожно спросила я, – а головой случайно не ударялась?

– Вроде бы нет... – Люся задумалась. – а может быть, это последствия травматического шока?

– Совсем не обязательно, – поспешила я ее утешить. – Чего только не бывает... ты лучше подумай – где ты могла перепутать паспорта с этим Отари Ираклиевичем?

– Ума не приложу! – вздохнула Люся. – Я вообще стараюсь паспорт из дома не выносить...

– Но в травмпункте ты должна была его предъявить! – напомнила я, выразительно взглянув на ногу в гипсе.

– А, ну да, точно... – она наморщила лоб, припоминая. – Ну конечно, мы заехали домой за паспортом...

– Ну, значит, там ты его и перепутала. Постарайся вспомнить, не было ли тогда в травме такого усатого джигита? Все-таки у него довольно запоминающаяся внешность!

– Не могу вспомнить... – пожаловалась Людмила. – Мне было не до джигитов. У меня так болела сломанная нога, что я ни на что и ни на кого не обращала внимания... Гошка даже забеспокоился, что я сознание потеряю...

Вдруг из глубины квартиры раздался грохот, как будто там что-то обрушилось.

– Марьяна, мерзавка, что ты там натворила? – воскликнула Люся, вскочила и заковыляла на звук, опираясь на свой костылик.

Я, к своему стыду, не устремилась ей на помощь.

Вместо этого я достала из своей сумки мобильный телефон и сфотографировала на него первую страницу паспорта таинственного гражданина Гунтаришвили. Секунду подумав, я перелистала страницы документа и сняла еще одну – ту, на которой стоял штамп прописки, точнее – регистрации.

Я только закончила это дело и положила паспорт на прежнее место, как в кухне снова появилась Людмила.

– Можешь себе представить – она сбросила со шкафа мою шкатулку с бижутерией и раскатила все по комнате, а сама куда-то спряталась! Вот же вредная кошка! Это она мстит за то, что я ее с коленей согнала! Вообще, сиамские кошки очень злопамятные...

В эту секунду за спиной у Люси бесшумно возникла кошка.

Марьяна стояла на пороге кухни с таким выражением морды (мне так и хочется сказать – лица), какое бывает только у супермодели, демонстрирующей на неделе высокой моды платье или шубу от знаменитого дизайнера.

На шее у Марьяны висели бусы из крупных пластмассовых шариков.

– Тебе очень идет... – сказала я тихонько.

На лестнице я задержалась, рассматривая фотографию на мобильном телефоне. Отари Ираклиевич был молодец хоть куда.

Допустим, однако, что он был в травматическом пункте в то же самое время, что и бесшабашная девица Люся Васюкова. Я вспомнила, как давно, учась в техникуме, дежурила в раздевалке и стукнулась головой о металлическую стойку для вешалок. Приложилась очень качественно, так что убедилась в справедливости выражения «искры из глаз». Ну, потеряла макушку, да и пошла себе на занятия. А ночью вдруг голова заболела, тошнота накатила, и перепуганная бабушка повела меня наутро в травмпункт.

До сих пор помню, что за бедлам там творился. Очередь была огромная, потому что дело происходило зимой, и граждане в массе своей падали на скользких дорожках и ломали конечности. Причем многие не в первый раз, поэтому знали уже всю процедуру. Один предусмотрительный дедок явился с термосом и бутербродами, хозяйственная тетка, сопровождаемая мужем, не тратя времени даром, писала здоровой рукой подробную инструкцию, где лежат чистые рубашки и сколько времени нужно варить макароны.

Каких только травм и увечий здесь не было! Вы не поверите, но один чудак по пьяному делу проглотил открывалку для пива. Протрезвел со страху и стрелой помчался в травмпункт. Старуха сослепу отрубила полпальца сечкой для капусты (скажу сразу, что палец пришили тут же, на месте).

На меня с моей ушибленной головой опытные больные смотрели с легким презрением. Замотанный врач показал желтый от никотина палец, помотал им перед глазами и спросил, какое сегодня число. После чего отправил на рентген. А там велели прикладывать лед и не отрывать больше время у занятых людей.

Так что ничего странного нет в том, что в травмпункте перепутали паспорт, они и больных-то перепутать запросто могли. Люська, конечно, девица безбашенная, да еще нога тогда здорово болела. Приехала домой, сунула паспорт в банку, да и забыла про него на месяц. Но вот каким образом этот джигит продержался месяц с чужим паспортом? У него-то небось документы проверяют на каждом углу, с такой-то мордой. Хотя, может, он в тяжелом состоянии и до сих пор в себя не пришел...

Я поглядела на отчетливый снимок страницы регистрации и заметила, что улица, где проживает по паспорту гражданин Отари Гунтаришвили, находится отсюда совсем рядом, буквально в трех шагах. Что ж, пойду-ка я на разведку, разузнаю, как там и что... А то время идет, а результатов у нас никаких.

Лифт в доме был старый, он медленно полз в допотопной решетчатой шахте, а откуда-то сверху доносились истошные женские крики и звуки потасовки.

Чем выше я поднималась, тем громче становился этот шум, и вскоре я стала различать отдельные слова и выражения.

Кричали две женщины, и слова, которыми они обменивались, в значительной степени были из тех, которые не принято употреблять в приличном обществе.

Если отбросить все непечатные выражения, оставалось следующее:

– Стерва!

– Зараза!

– Селедка потрошенная!

- Курица мороженая!
- Чтобы я тебя здесь больше не видела!

Наконец кабина лифта остановилась на шестом этаже, я открыла дверь... и оказалась в самом центре скандала.

На площадке шестого этажа, перед широко раскрытой дверью квартиры, сцепились в схватке две женщины лет тридцати – блондинка и брюнетка.

Блондинка была пониже ростом и поплотнее, брюнетка – выше и худее. Обе были красные и растрепанные. Они кружили по площадке, пытаясь выцарапать друг другу глаза или нанести еще какое-нибудь серьезное увечье. Брюнетка, кроме собственных длинных ногтей, была вооружена каким-то предметом, который я сперва приняла за оторванную человеческую руку, но, приглядевшись, поняла, что это рука манекена. Блондинка успешно отбивалась шваброй.

Выйдя из лифта, я прижалась к стенке и попыталась пробраться мимо дерущихся теток, но это оказалось непросто.

Они прыгали по площадке, махали руками и самодельным оружием и поливали друг друга отборной бранью.

– Ты, дрянь подзаборная, убирайся прочь! – вопила брюнетка. – Если я еще раз увижу тебя рядом со своим мужем, я тебя наизнанку выверну и скажу, что так и было!

– А я тебя, селедка черномордая, вообще из нашего города вытурю! У меня брат двоюродный в милиции работает, он тебе такие проводы организует – мама не горюй!

– Да у тебя никакого брата в помине не было – ни родного, ни семиюродного! По твоей роже видно, что ты в капусте найдена, да не в простой, а в кислой! Ты у меня сейчас на своей швабре полетишь, как и положено настоящей ведьме!

Я предприняла очередную попытку пробраться мимо скандалисток, но не рассчитала скорость. Коренастая блондинка сделала ложный выпад шваброй, брюнетка отбила его рукой манекена и обратным движением попала мне по голове. Я охнула, покачнувшись, лестничная площадка накренилась, как корабельная палуба, и я потеряла сознание.

Пришла в себя оттого, что почувствовала на своем лице что-то холодное и мокрое.

Я застонала, приоткрыла глаза и попыталась приподняться.

– Лежи! – раздался надо мной строгий женский голос, и я снова ощутила лицом прохладное прикосновение.

На этот раз мне действительно удалось открыть глаза, и я увидела над собой приятную женщину лет шестидесяти. Она держала в руке влажное полотенце, которым заботливо обтирала мое лицо.

- Где я? – спросила я растерянно.
- У меня в квартире, – отозвалась женщина. – Ну что – тебе немножко лучше?
- Гораздо лучше, – соврала я. – А кто вы такая и где эта ваша квартира расположена?
- А ты что – вообще ничего не помнишь?

Я напряглась и вспомнила потасовку двух женщин на лестничной площадке.

– Ага, это Лизка с Ленкой дрались, – подтвердила незнакомка. – Тут тебе и перепало. Как говорится, в чужом пиру подзатыльник. Я не могла оставить тебя на лестнице и притащила в свою квартиру...

- А из-за чего они дрались?
- Не из-за чего, а из-за кого! Из-за Отари, Ленкиного мужа...

Имя Отари освежило мою память. Я вспомнила, зачем направлялась в этот дом – я хотела побеседовать с Отари Гунтаришвили, чей паспорт обнаружился в банке из-под сахара у Людмилы Васюковой. Однако сообщать об этом моей спасительнице вряд ли стоило. По крайней мере, не сейчас...

Поэтому я тяжело вздохнула, вытянулась на подушках, полуприкрыла глаза и спросила:

- А что из-за него драться-то?

Видимо, моя собеседница только и ждала возможности рассказать все, что знает.

Впрочем, знала она много, поскольку все события развивались, можно сказать, прямо у нее на глазах.

Мою спасительницу звали Мария Васильевна. В прошлом она работала операционной сестрой в крупной городской больнице, но уже давно вышла на пенсию.

Жила она в однокомнатной квартире на той же лестничной площадке, где происходила памятная мне потасовка.

Кроме нее, на этой же площадке проживали еще две одинокие женщины – Варвара Ивановна, такая же пенсионерка, в прошлом паспортистка из ЖЭКа, и Лизавета Коляскина, бойкая разбитная бабенка примерно тридцати лет, успевшая к своим годам пройти огонь, воду и медные трубы.

Варвара Ивановна являлась особой с большими претензиями. Свое имя она считала вульгарным и простонародным и требовала от окружающих называть себя Барбарой, с ударением на первый слог.

Благодаря работе паспортистки она умудрилась получить, помимо своей двухкомнатной квартиры, еще одну комнату в соседнем доме, где и проживала. Свою же двушку сдавала обычно приезжим из южных краев, торговавшим на расположенном поблизости рынке.

Приезжих торговцев Варвара предпочитала соотечественникам по целому ряду причин.

Во-первых, у них не было детей, от которых, по мнению Варвары Ивановны, только шум и неприятности.

Во-вторых, приезжие запуганы милицией и прочими силовыми ведомствами, поэтому ведут себя тихо и скромно, в быту покладисты и миролюбивы.

В-третьих, вовремя и аккуратно платят за жилье, и перед отъездом на историческую родину без споров дают деньги на мелкий косметический ремонт квартиры, а также часто угощают хозяйку плодами своих благодатных и плодородных краев. Плодами пусть переспелыми и несколько подпорченными, но, тем не менее, очень вкусными и полезными.

Съемщики у Варвары менялись, пока на горизонте не появился гражданин Гунтаришвили.

Уроженец Кутаиси произвел на Варвару Ивановну самое благоприятное впечатление.

Он был интересным, представительным мужчиной, торговал на рынке не вульгарными овощами и фруктами, а одеждой, произведенной трудолюбивыми турецкими ремесленниками. Поэтому в квартире всегда было чисто, не витал устойчивый запах гнилых яблок и тухлых помидоров.

Но самый большой плюс – Отари Ираклиевич был женат.

Жена его, Лена, была местная, у нее имелась собственная квартирка в Купчине, где Отари и жил между поездками в Турцию за товаром. Квартира же, которую он снимал у Варвары Ивановны, понадобилась ему под склад курток, платьев и джинсов, которыми он торговал на вышеупомянутом рынке. Именно близость к рынку и была для него главным плюсом Варвариной жилплощади.

В общем, ситуация устраивала всех – квартира подходила Отари, и гражданин Гунтаришвили вполне подходил квартирной хозяйке. Так бы все и продолжалось, если бы не проявился новый, не предусмотренный участниками сделки фактор.

Фактор назывался Лизаветой.

Бойкая Лизавета положила глаз на представительного грузина.

Ее привлекла в нем не только яркая внешность, но и относительная обеспеченность – у Отари имелась приличная машина, он был хорошо одет и владел на рынке собственным лотком, или, выражаясь сухим языком протокола, торговой точкой.

Главное же достоинство – гражданин Гунтаришвили не пил.

То есть не то чтобы он вообще капли в рот не брал – нет, по праздникам темпераментный грузин вполне мог выпить бокал-другой красного вина или рюмку хорошего коньяка. Но, в отличие от прежних знакомых и друзей Лизаветы, Отари никогда не напивался до свинского состояния, у него не случалось запоев, он не ловил по углам чертей или маленьких зеленых человечков, и никогда не опустился бы до того, чтобы пропивать имущество, нажитое Лизаветой если и не праведными, но все-таки трудами.

Лизавета Коляскина никогда не слышала о знаменитом советском садовом и селекционере Иване Владимировиче Мичурине, однако по сути своей она являлась его последователем. Точнее, последовательницей. Потому что Лизавета руководствовалась в своей жизни знаменитым высказыванием Мичурина: «Мы не должны ждать милостей от природы после того, что с ней сделали. Взять их у нее – наша задача».

Лизавета не сомневалась, что просто обязана брать от жизни все, что только можно. Брать любыми путями, ни перед чем не останавливаясь. Правда, особенно много взять не получалось, поскольку все лучшее уже успели взять до нее другие.

Однако Лизавете не приходило в голову, что причиной ее незначительных жизненных успехов может стать собственная лень, глупость и отсутствие образования. Как большинство глупых, недалеких и малообразованных людей, она винила в своих неудачах исключительно других, и считала, что для житейского успеха вполне достаточно наглости и способности идти напролом.

Итак, наметив себе цель в лице привлекательного уроженца Кутаиси, Лизавета начала планомерную осаду.

Она старалась подкараулить Отари, когда тот появлялся без жены, и под различными предлогами заманивала его в свою квартиру.

То ей требовалось поменять электрическую пробку, то починить кран или электрический чайник, то заменить лампочку в труднодоступном месте.

Вежливый Отари старался поддерживать с соседями хорошие отношения, и никогда не отказывал предприимчивой соседке в мелкой помощи по дому.

А Лизавета каждый раз, как ей удавалось заманить его к себе, делала все от нее зависящее, чтобы визит соседа перешел в нечто гораздо более значительное.

Она принимала Отари в коротком халатике, который то и дело невзначай распахивался; она угощала его кофе, причем непременно лезла за сахаром на верхнюю полку кухонного шкафа, делая все возможное, чтобы продемонстрировать Отари самые выгодные, по ее мнению, части своего тела.

Деликатный грузин делал вид, что не замечает распаханного халата и прочих Лизаветинских соблазнов, отчего она еще более распалилась и старалась преодолеть его круговую оборону.

Так продолжалось до сегодняшнего дня, когда Лизавета решила пойти на штурм.

Дождавшись появления Отари, неугомонная красотка позвонила ему по телефону и, прерывая сбивчивые слова рыданиями, сообщила, что у нее прорвало кран в ванной и она заливает свою собственную и нижнюю квартиры.

Безотказный Отари бросился на помощь соседке.

Дверь ее квартиры оказалась не заперта, он вбежал внутрь и устремился напрямик в ванную комнату. Там, однако, он не увидел никаких признаков потопа. Напротив, ванна была наполнена горячей водой с ароматной пеной, и в этой пене колыхалась розовая голая Лизавета.

При появлении Отари она поднялась из пены, как Афродита, и протянула руки к соседу с пламенным призывом:

– Иди ко мне, мой козлик! Ну, сколько же можно упираться! Иди ко мне скорее!

Отари и на этот раз проявил твердость характера, и стрелой вылетел из ванной, а затем – и из квартиры.

Возможно, впрочем, что твердость его характера была ни при чем, а просто многоопытного грузина не возбуждали несколько потрепанные прелести соседки.

Тем не менее Лизавета решила не отступать и довести дело до победного конца.

Высочив из ванны, она наскоро оберлась полотенцем и что-то на себя накинула. Все же она была не настолько возбуждена, чтобы высочить на лестничную площадку в голем виде.

Это ее отчасти спасло, потому что на площадке она лицом к лицу столкнулась с женой Отари.

Лена примчалась, руководствуясь импульсами своей женской интуиции, а может быть, интуиция тут оказалась ни при чем, а имел место анонимный звонок кого-то из соседей.

В этом месте моя рассказчица несколько замешкалась, а я поглядела на нее очень внимательно. Мария Васильевна опустила глаза, но после все же собралась с силами и продолжала свою увлекательную историю.

Так или иначе, жена гражданина Гунтаришвили чрезвычайно своевременно прибыла, чтобы встать на защиту своего семейного очага, и даже успела вооружиться первым, что подвернулось ей под руку.

Это оказалась рука, которую Лена оторвала у одного из манекенов, которых Отари использовал при продаже турецкого ширпотреба.

Рука была пластмассовая и не очень тяжелая, но все же могла использоваться как оружие ближнего боя.

Впрочем, в рукопашной схватке Лизавета тоже имела немалый опыт. Она схватила стоящую на площадке швабру, и начался тот самый поединок, невольной свидетельницей и даже случайной жертвой которого мне пришлось стать.

Мария Васильевна закончила свой волнующий рассказ.

За время этого рассказа я успела прийти в себя и даже обдумать свои дальнейшие действия.

Получалось, что идти сейчас к гражданину Гунтаришвили мне никак нельзя: его жена находится в состоянии нервного возбуждения, и появление любой особы женского пола может вызвать настоящий взрыв с самыми непредсказуемыми последствиями.

Значит, идти к уроженцу Кутаиси придется дяде Васе.

Я представила, как он будет недовольно морщиться и говорить, что я без него ни на что не способна и мне нельзя поручить самое простое и незамысловатое дело...

Хотя это, безусловно, неправда: я вполне успешно провела операцию в агентстве «Миссис Хадсон», и из настоящей Людмилы Васюковой извлекла кое-какую информацию, да и мой сегодняшний визит нельзя назвать совершенно бесполезным: из разговора с общительной соседкой я довольно много узнала о гражданине Гунтаришвили.

Закончив свой рассказ, Мария Васильевна посмотрела на меня с ожиданием: наверняка в ответ она ждала, что я ей тоже что-то расскажу, и уж во всяком случае сообщу, что делала в их доме и к кому направлялась. Имя Отара Гунтаришвили называть было никак нельзя, а больше я здесь никого не знала. Поэтому я резко заторопилась, сказала, что чувствую себя гораздо лучше, и под разочарованным взглядом своей спасительницы бросилась прочь из ее квартиры.

К моему удивлению, дядя Вася выслушал мой рассказ вполне благожелательно и тут же согласился отправиться к Отари Ираклиевичу.

– Я, когда в милиции работал, таких людей много повидал! – сообщил он мне. – С ним проблем не будет, точно тебе говорю!

На этот раз лифт не работал, и Василию Макаровичу пришлось подняться на шестой этаж пешком. Поэтому он подошел к дверям квартиры запыхавшийся и в самом мрачном расположении духа. Он позвонил в дверь резко и требовательно, как привык звонить в те времена, когда работал в милиции.

Люди, которым часто приходится сталкиваться с милицией, умеют безошибочно отличать сотрудников этого ведомства, даже когда те одеты в штатское. Больше того – они умеют определять милиционера по голосу, и даже по дверному звонку.

Так и на этот раз – услышав звонок, Отари Гунтаришвили бросился к двери, глазами приказав жене исчезнуть и не появляться в процессе разговора.

Открыв дверь, он увидел перед собой пожилого запыхавшегося мужчину в потертом пальто, с отчетливой печатью многолетней безупречной службы на лице. Поэтому гражданину Гунтаришвили не требовалось никакое удостоверение, чтобы понять: перед ним находится сотрудник милиции.

Впрочем, пожилой гость предъявил-таки удостоверение. Правда, удостоверение было просроченное, но Отари Ираклиевич знать этого, конечно, не мог.

– Гражданин Гунтаришвили? – спросил милиционер мрачно, справившись с одышкой.

– Так точно, дорогой! – ответил Отари. – Заходи, дорогой, гостем будешь!

Василий Макарович подозрительно взглянул на него, однако вошел в квартиру – не разговаривать же на лестнице, особенно учитывая, что за остальными дверями на площадке ощущалось присутствие любопытных соседей.

Маленькая прихожая была завалена огромными мешками и коробками с одеждой. В помещении трудно дышалось от запаха новой кожи.

Лавируя между тюками, Отари провел дядю Васю на кухню и предложил ему рюмку коньяка:

– Настоящий коньяк, дорогой! Вах! Сам привез, никакой подделка!

– На работе не пью! – строго отрезал дядя Вася.

– Это правильно, дорогой! – одобрил грузин. – Я тоже на работа совсем не пью. Работа есть работа, а отдых есть отдых. На работа надо работать, на отдых надо отдыхать. Только разве я тебе пить предлагаю? Я тебе один маленький рюмочка предлагаю, чтобы ты только понял, какой это коньяк! Вах! Ты такой коньяк ни в какой магазин не купишь! Это не коньяк, это божий роса, дорогой!

– Все равно, – насупился дядя Вася. – Сначала одна рюмка, потом другая... сказал не пью, значит все!

– Хорошо, дорогой, хорошо... – Отари неохотно отставил бутылку. – Раз ты сказал «нет», значит – нет!

Дядя Вася отдышался и хотел приступить к разговору, но упустил момент.

– Послушай, дорогой, она все врет! – воскликнул вдруг Отари, склонившись к нему. – Ты же знаешь, дорогой, женщины – они такие... от них одно слово правды не добьешься!

– Это вы о ком, гражданин Гунтаришвили? – недоуменно переспросил Василий Макарович.

– Как о ком, дорогой?! – Отари поднял брови. – Вах! Конечно, о ней, о Лизавете! Ты меня извини, дорогой, только она – нехороший женщина. В хороший женщина должен быть что? – он выжидающе взглянул на дядю Васю, но поскольку тот не спешил с ответом, ответил сам, выразительно подняв указательный палец:

– В хороший женщина должен быть скромность! А в ней, в Лизавете, нету скромность! Вах! Она меня в каком виде встречал?! Она меня в каком халат встречал? Меня в таком халат собственный жена не встречал! А сегодня, дорогой, она меня совсем без халат встречал! Это как, дорогой? Это разве скромность? Нет, дорогой, это совсем не скромность! Ты меня, конечно, извини, дорогой!

– При чем здесь какая-то Лизавета? – недоуменно переспросил Василий Макарович.

– А ты, дорогой, разве не из-за Лизавета пришел? – удивился на этот раз Отари. – Лизавета говорил, что у нее двоюродный брат в милиция работает... так ты не брат ей?

– Нет, не брат, – заверил его дядя Вася. – Я ее вообще не знаю. Я совсем по другому делу!

– А, извини, дорогой! – оживился Отари. – Я тебя принял за ее брат... по другому делу, говоришь? Ты, наверное, из-за тех курток! Но я за те куртки уже вашему человеку заплатил! Если там что не так – я не виноват! Я на таможня платил, я в налоговая платил, я транспортная милиция платил, – он считал, загибая пальцы. – Сколько можно платить? Я бандитам платил, я Павел Петрович платил...

– Да я и не из-за курток... – перебил его дядя Вася. – Куртки твои мне без надобности!

– А из-за чего тогда? – Отари развел руками. – Регистрация у меня есть, все бумаги есть – что еще надо?

– А паспорт ваш где, гражданин Гунтаришвили?

– Паспорт? – грузин захлопал глазами, и вдруг крикнул куда-то назад: – Жена, где мой паспорт?

На пороге кухни появилась заплаканная молодая женщина.

– А я знаю? – спросила она недовольно. – То говоришь, чтобы я носа не показывала, то спрашиваешь, где паспорт... сам за своими документами следи!

– Извини, дорогой! – Отари повернулся к милиционеру. – Сейчас я со своя жена разберусь...

Он вышел из кухни, подхватил жену за локоть и увел в сторону ванной комнаты. Оттуда донеслись приглушенные голоса. Супруги Гунтаришвили выясняли отношения.

Через несколько минут Отари снова появился на пороге. На лице его была растерянность.

– Извини, дорогой! – проговорил он, широко разведя руками. – Нету паспорт!

– То есть как это нету? – возмутился Василий Макарович. – У каждого человека должен быть паспорт! У человека может не быть руки там, или ноги, или даже головы, но паспорт непременно должен быть! Если, к примеру, тебя на улице остановят – что ты вместо паспорта предъявишь?

– Сто рублей, – не раздумывая, ответил Отари. – Если сто не хватит, предъявлю двести!

– Это плохо... – неодобрительно проговорил старый детектив. – Это взятка называется, за это срок положен...

– Какой такой взятка? Какой такой срок? – воскликнул Отари. – Такой порядок, дорогой! Такой жизнь! И вообще, у меня скоро совсем новый паспорт будет, совсем хороший!

– Откуда это? – сухо осведомился Василий Макарович.

– Варвара Ивановна обещал! Варвара Ивановна – это такой женщина! – Отари поднял глаза к потолку и уважительно прищелкнул языком. – Это большой женщина! Она паспортистка работал, ей новый паспорт сделать ничего не стоит! Моя жена ей сказал, что мой паспорт пропал, так Варвара Ивановна...

– Стой! – оборвал его детектив. – Значит, ты уже знал, что паспорт пропал? Что ж ты мне сразу не сказал?

– Ну, знал – не знал... – глаза Отари забегали. – Вам только скажи, неприятности не оберешься!.. Слушай, дорогой, сколько тебе надо – тысяча? Две? Ты мне скажи, дорогой, я не жадный!

– Ты это мне прекрати! – возмутился Василий Макарович. – Я при исполнении!

– Значит, четыре тысяча...

– Да мне твои деньги не нужны!

– Деньги не нужны? – Отари погрузился. – Значит, десять... слушай, дорогой, зачем ты такой жадный?

– Прекратить! – рявкнул детектив. – Не надо мне никаких денег! Ты лучше скажи – где мог свой паспорт потерять?

– А я знаю? – Отари развел руками.

– Ну-ка, постой... – Василий Макарович пригляделся к грузину. – А это ты где заработал? На левом виске Отари виднелся свежий шрам.

– Это? – Гунтаришвили небрежно махнул рукой. – Да это ерунда! Я ларек закрывал, а тут какой-то хулиганы подбежал, три человек... меня по голове бил, ларек грабить хотел, хорошо, сосед подошел, Мерзикян, вдвоем хулиганы прогнал...

– А ты потом к врачу пошел? – продолжал допытываться Василий Макарович.

– Ну да, заставишь его к врачу! – в дверях кухни появилась жена грузина. – Еле в травму затащила!

– Жена! – прикрикнул на нее Отари. – Я тебя звал? Я тебе сказал – тихо сиди!

– Постой, постой! – остановил его дядя Вася. – Значит, вы после этого инцидента были в травмпункте?

Он вспомнил, что Василиса рассказывала ему – Людмила Васюкова тоже побывала в травмпункте, где последний раз видела собственный паспорт... долгие годы в милиции приучили Василия Макаровича не верить в случайные совпадения.

– Какой такой инцидент? Не знаю никакой инцидент! – возмущенно воскликнул Отари. – Говорю – хулиганы подбежал...

– Так были в травмпункте? – повторил дядя Вася.

– Были, были! – ответила за мужа Лена. – Еле затащила...

– Значит, тогда паспорт у вас был! В травмпункте вы его предъявляли?!

– Предъявляли... – согласилась женщина.

– А когда это произошло?

– Да примерно месяц назад... Я там с ним два часа просидела, как будто у меня других дел нету! А разве его одного можно оставить? – жена Отари тяжело вздохнула.

– Что – разве он такой беспомощный? – удивился дядя Вася.

– Кто беспомощный? – грузин выпучил глаза. – Я беспомощный? Что ты такой говоришь?

– Его одного ни на секунду нельзя оставить! – повторила жена. – Бабы к нему так и липнут, как мухи на варенье!

– Что, даже в травмпункте?

– Да где угодно! – женщина схватилась за голову. – Там, в травмпункте, к нему вообще старуха какая-то клеилась...

– Что ты говоришь, жена! – возмутился грузин. – Зачем клеился? Почему клеился? Старый женщина со мной немного поговорил... пожалел... Ты, говорит, друг сердечный, голубь сизокрылый, где, говорит, тебя так укантрепа... уконтрапу... уконтрапутили...

– Как, ты говоришь? – оживился дядя Вася. – Как она тебя назвала? Другом сердечным? Голубем сизокрылым? А из себя-то она какая? Как выглядела?

– Да обыкновенная старуха! – отмахнулась жена Отари. – Как старухи выглядят? Страшная, на щеке пятно родимое...

– Что ты говоришь, жена! – перебил ее грузин. – Может, и старый женщина, но приличный! Хотел немного поговорить...

– Да-да, очень приличный... – пробормотал Василий Макарович. – Такой приличный – пробы ставить негде! Вот после того разговора твой паспорт и пропал?

– Да вроде... – с сомнением ответила страдальца-жена. – я сразу-то не хватилась...

– Нехорошо, гражданин Гунтаришвили! – строго сказал Василий Макарович на прощанье. – Нарушаете паспортный режим, за это штрафлагается!

– Дорогой! – Отари прижал руки к сердцу. – Проси что хочешь! Хоть куртку, хоть пальто!

Дядя Вася с пренебрежением отмахнулся от одежды и с тоской поглядел на бутылку коньяку. А ведь и правда, небось, хороший... Но тут же он вспомнил, что Василиса будет ему выговаривать и Бонни не любит выпивших людей...

– Не надо ничего! – буркнул он и ушел, оставив Гунтаришвили в полном изумлении.

Через час после плодотворной беседы с супругами Гунтаришвили Василий Макарович неторопливо прохаживался по Большому проспекту Петроградской стороны.

Возле перехода через улицу собралась небольшая группа людей, в которой обращал на себя внимание крупный вальяжный мужчина в длинном кашемировом пальто.

Пешеходный светофор загорелся зеленым светом, и первые люди шагнули на мостовую. В это мгновение к вальяжному мужчине подскочила пожилая дама в черной шляпке с вуалью. Дама прихрамывала и опиралась на тросточку с черепаховой ручкой.

– Друг сердечный! – воскликнула дама, вцепившись в кашемировый рукав. – Помогите перейти через улицу! Я плохо вижу, а мне непременно нужно в молочный магазин...

– Нет проблем, мамаша! – мужчина сложил руку бубликом и повел даму через дорогу.

– Вот спасибо, голубь сизокрылый! – щебетала та, крепко держась за локоть и быстро перебирая ногами. – Мне в тот молочный нужно, потому что там есть сметана десятипроцентная, а десятипроцентная – она гораздо полезнее... Тут тоже молочный есть, но там только двадцатипроцентная, а двадцатипроцентная в моем возрасте вредна...

– Нет проблем, мамаша! – повторил мужчина, подходя к тротуару. – Покупай свою сметану...

В это мгновение его тронул за плечо пожилой человек в потертом пальто, с каким-то неуловимо милицейским выражением лица.

– Гражданин, – проговорил потертый. – Это не вы случайно бумажник уронили?

Вальяжный господин удивленно уставился на бордовый бумажник мягкой кожи и растерянно пробормотал:

– Правда, мое портмоне... спасибо...

– Не стоит! – и потертый тип бросился вслед за дамой в шляпке, которая стремительно улепетывала прочь, ловко опираясь на свою палочку.

Догнав даму, Василий Макарович (а это, разумеется, был он) схватил ее за локоть и проговорил:

– Куда это вы так торопитесь?

Дама недоуменно обернулась, попыталась сбросить руку, но дядя Вася держал ее очень крепко.

– Что вам нужно, мужчина? – воскликнула дама удивленно. – Я на улице не знакомлюсь! Я не так воспитана!

– Да мы с вами, Луиза Платоновна, давно уже знакомы! – усмехнулся Василий Макарович. – А насчет того, где и как вы воспитаны – это разговор длинный! Вы свое воспитание получили в разных интересных местах, начиная от Владимирского централа и заканчивая исправительным учреждением номер двадцать шесть дробь четыре...

– Вы меня с кем-то путаете!

– Да ни с кем я тебя не путаю, Лиза-Голубок! Уж я-то тебя знаю, как облупленную! Гляжу, ты опять за старое взялась? Опять на переходе у бакланов лопатники вытаскиваешь?

– А как прикажешь жить? – перебила его женщина. – Пенсии мне почти что не начислили...

– А с чего бы тебе пенсия причиталась? Твоя основная работа в трудовой стаж не входит! Работала бы, как люди – так и получала бы пенсию...

– Ага, как будто на эту пенсию можно жить!

– Я тебя, Луиза, не для того искал, чтобы разговоры вести задушевные! – перебил ее дядя Вася. – Ты мне лучше скажи – была примерно месяц назад в травмпункте?

– Эх, Василий! Ну, чего ты привязался... – вздохнула старуха. – Ну, допустим, была! Случилась со мной неприятность – споткнулась на переходе и подвернула ногу...

– Ага, производственная травма! – ехидно проговорил Василий Макарович.

Не заметив его сарказма или сделав вид, что не заметила, Луиза добавила:

– Я женщина немолодая, одинокая, мне болеть никак нельзя! За мной ухаживать некому, стакан воды, и тот никто не подаст... – Луиза пригорюнилась.

– Ага, и больничный лист тебе не оформляют... – подпустил дядя Вася очередную шпильку.

– Не оформляют! – подтвердила Луиза, снова не заметив сарказма.

– И, значит, по этому поводу ты решила соединить приятное с полезным?

– Тебе бы так! – надулась Луиза. – Что уж там приятного, в этом травмпункте? Одни старики увечные...

– Можно подумать, мы с тобой такие уж молодые! Сама только что насчет пенсии рассуждала!

– Мало ли, что я рассуждала! Женщине столько лет, насколько она выглядит! – и Луиза кокетливо поправила шляпку.

– Не может быть! – недоверчиво отмахнулся дядя Вася. – Столько не живут! Но я с тобой не о возрасте, я с тобой совсем о другом поговорить хотел. Значит, когда ты была в травмпункте, ты там не только лечилась, но еще и работала?

– Да что ты такое говоришь? – Луиза немного отступила. – Какая работа?

– Работа известно какая – по основной специальности! Ты же у нас профессионал!

– Да у меня нога болела, до того ли мне было!

– Выходит, не так уж она болела! Ладно, надоело мне с тобой ласы точить. Рассказывай быстро, как дело было!..

В это время к остановке, возле которой они разговаривали, подкатил автобус. Двери распахнулись, на тротуар высыпали пассажиры. Луиза покосилась на автобус и вдруг показала на что-то за спиной у Василия Макаровича:

– Ой, осторожно! Он тебя зашибет!

– Старый фокус. – дядя Вася усмехнулся и крепче ухватил собеседницу за рукав. – Я отвернусь, а ты в автобус вскочишь – и поминай, как звали? Нет, со мной это не пройдет! Ты меня знаешь, я воробей стреляный, меня на мякине не проведешь!

Луиза обиженно фыркнула и проводила грустным взглядом отъехавший автобус.

– Все! – строго проговорил Василий Макарович. – Мне это надоело! Или ты мне все рассказываешь – или я тебе устрою такие неприятности, что мало не покажется!

– Да какие неприятности? – хмыкнула Луиза. – Ты же бумажник тому лоху отдал, так что теперь тебе нечего предъявить! Я закон знаю – нет бумажника, нет и статьи. Так что, голубь сизокрылый, если у кого и будут неприятности – так это у тебя. Начальство тебя не похвалит за лишнюю головную боль...

– А кто сказал, что я тебя собираюсь своему начальству сдать? – дядя Вася широко улыбнулся. – Я, Луиза, если хочешь знать, давно уже на пенсии!

– А что же ты тогда вяжешься к порядочным женщинам?! – Луиза завертела головой. – Вот я сейчас сама милицию позову...

– Не позовешь, – возразил Василий Макарович. – Тебя здешняя милиция слишком хорошо знает. А сдам я тебя, Луиза, не начальству милицейскому, а Косте Карасю!

– Какому еще карасю? – забормотала Луиза, и глаза ее забегали. – Не знаю никакого карася... я карасей и в магазине-то никогда не покупаю, в них костей слишком много... Была бы у меня кошка – тогда, может, для нее бы брала, но кошки у меня нету...

– Это хорошо, что нету, – солидно кивнул дядя Вася. – А то осталось бы животное одно, жалко...

– Это почему это?

– Ты, Луиза, мне лапшу на уши не вешай и пургу под моими окнами не мети! Ты ведь отлично знаешь, кто такой Костя Карась! Это ведь его территория, а ты тут без разрешения работаешь, а это, Луиза, не по понятиям! Так что если сдам я тебя Косте – он с тобой мин-

дальничать не будет. Ты ведь знаешь, Луиза, он такой крутой – мама не горюй! Мало тебе не покажется...

– Неужели ты сдашь старую знакомую? – проворковала Луиза и заглянула в глаза дяде Васе. – Мы ведь с тобой сколько уж лет, можно сказать, бок о бок...

– Бок о бок, только по разные стороны! И вообще, Луиза, скажи – ты давно в зеркало заглядывала?

– Грубый какой! – вздохнула женщина. – Ну ладно, что ты хочешь узнать?

– Все. Что украла в травмпункте, у кого украла и что с краденым сделала...

– Да что там можно украсть-то? – Луиза скривилась. – Там нищета одна, бомжи да старики...

– Ну, не одни старики... – возразил Василий Макарович. – Был там и грузин молодой-интересный...

– Да он только с виду такой, а в карманах пусто... если бы мне не заказали...

Луиза поняла, что сказала лишнее, и резко замолчала.

– Ну, уж начала, так заканчивай!

Луиза тяжело вздохнула:

– Ну, заказали мне паспорт украсть. Только чтобы непременно на женскую фамилию. Ну, и с женской фотографией. Я тогда как раз в эту травму собиралась, вот и решила заодно дело проверить. Огляделась – одно старичье, и только грузин этот с женой, и жена у него вполне подходящего возраста. Я сперва у нее сумку аккуратно почистила, взяла паспорт – а он оказался с мужской фоткой. Выходит, она мужнин паспорт при себе держала. На всякий случай. Ну, я подумала – если у жены мужнин паспорт, так, может, у мужа ее... подседа к нему, разговор завела, карманы ненавязчиво проверила – но у него только и был кошелек с двадцатью рублями, зря только беспокоилась!

– А что дальше? – поторопил ее Василий Макарович.

– Да что дальше? Принесла тот грузинский паспорт заказчику, он и говорит – я же тебе велел женский достать, а ты что? Теряешь, мол, квалификацию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.